

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

К.П. Тиле

**Направления
развития в частых религиях и
в группах сродных религий:
из лекций**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 10. С. 534-554.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Направленія развитія въ частныхъ религіяхъ и въ группахъ сродныхъ религій.

Изъ лекцій проф. К. П. Тиле.

ВЪ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ лекціи мы занимались раз-
смотрѣніемъ того, что я называю *направленіями* раз-
витія въ отличіе отъ его *ступеней*. Взявъ въ качествѣ
примѣра два великія семейства религій, я старался по-
казать, какъ каждая религія развивается, не гармонично
и симметрично, а односторонне, соотвѣтственно особенному
характеру каждаго семейства, и какъ, поэтомu, ростъ религій
является не простымъ, а весьма сложнымъ процессомъ, про-
дуктомъ нѣсколькихъ различныхъ потоковъ, приносящихъ
каждый свою дань. Но такъ какъ, за недостаткомъ времени,
бывшаго въ нашемъ распоряженіи, мы далеко не исчерпали
вопроса, то возвратимся къ нему опять.

Что сказано о великихъ семействахъ религій, то примѣ-
нимо и къ тѣмъ членамъ, изъ которыхъ они состоятъ,—какъ
къ отдѣльнымъ религіямъ, такъ и къ группамъ сродныхъ ре-
лигій. Позвольте мнѣ иллюстрировать и это нѣсколькими при-
мѣрами.

Какъ каждая нація, такъ и каждая религія, первоначально
составляющая одно съ націей, но впоследствии уже не вполне
совпадающая съ ней, имѣетъ свой особенный характеръ. Я
знаю, что вхожу здѣсь въ такую область, гдѣ часто дается
много свободы воображенію, и хотя наука безъ его помощи
не можетъ ступить впередъ ни едишаго шагу, безспорно,

однако, что изслѣдователь, который предоставляетъ ему слишкомъ много простору, подвергается большому риску. Гегель былъ однимъ изъ первыхъ, сдѣлавшій попытку характеризовать главныя религіи. Но при всемъ уваженіи къ генію этого великаго философа, мы не можемъ признать его попытки успѣшной. Такъ, онъ называетъ китайскую религію религіей мѣры, браманическую—религіей фантазій, буддизмъ—религіей «бытія въ себѣ самомъ» (in-sich-sein). Первый изъ этихъ эпитетовъ слишкомъ неопредѣленъ, и для меня никогда не было вполне ясно, что онъ значить; что же касается характеристики двухъ послѣднихъ религіей, то она можетъ быть какъ разъ обратная. Что греческую религію онъ назоветъ религіей красоты, этого нужно было ожидать. Мы можемъ пожалуй согласиться также съ его характеристикой персидской религіи, какъ религіи добра или свѣта, іудейской—какъ религіи высоты, хотя этотъ послѣдній эпитетъ примѣнимъ точно такъ же, или даже еще лучше, и къ религіи египетской. Но что онъ разумѣетъ, называя эту послѣднюю религіей загадки, если не смѣшаль египетскаго сфинкса съ оивскимъ? Несомнѣнно, что и религія сирійцевъ не можетъ быть справедливо названа религіей страданія. Потому что, хотя мѣвъ и культъ Таммузъ-Адониса и играютъ большую роль въ Западной Азій, однако не слѣдуетъ забывать, что за сѣтованіями о его смерти слѣдовали ликованія о его воскресеніи, и что тотъ же самый мѣвъ встрѣчается въ Египтѣ подъ именемъ Озириса. Эдуардъ фонъ-Гартманъ, располагавшій безспорно болѣе обширными данными, чѣмъ Гегель, глубже входитъ въ предметъ, и даетъ болѣе точныя опредѣленія, хотя—что простительно германцу, но не философу—не въ мѣру польстилъ германской религіи. Религія, согласно фонъ-Гартману, обязана эстетической утонченностью эллинамъ; римляне секуляризировали ее; а германцы дали ей трагико-этическую глубину. Это могло быть сдѣлано мѣвомъ о Бальдурѣ, который, однако, можетъ быть, даже совсѣмъ негерманскій, а возникъ подъ христіанскимъ влияніемъ; а затѣмъ ни мѣвы объ Одинѣ и Торѣ не являются особенно трагичными, ни о Фрейѣ или Локи—этическими. Но если фонъ-Гартманъ въ общемъ имѣлъ и болѣе успѣха, то все-же его краткія характеристики разныхъ религіей слишкомъ походятъ на наклеенныя снаружи ярлыки, и не всегда вполне удачны.

Я не буду поэтому пытаться слѣдовать примѣру названныхъ философовъ и подставлять на мѣсто предложенныхъ ими

краткихъ характеристикъ другія. Я предпочитаю лучше нѣсколькими штрихами обрисовать тѣ особенности, которыя отличаютъ нѣкоторыя изъ главныхъ религій отъ другихъ. Возьмемъ, на примѣръ, египетскую религію. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ этой формой религіи всякаго должно съ перваго же взгляда поразить, какое выдающееся мѣсто въ религіозныхъ представленіяхъ египтянъ дается понятію о жизни во всей ея полнотѣ—какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ постоянно повторяющаяся формула *anch ut'a seneb*: «жизнь, благополучіе, здравіе»,—жизни, только на время прерываемой смертью, вѣчно возобновляющейся, идеѣ Пребывающаго и Непреходящаго среди всего измѣняющагося и преходящаго. И это впечатлѣніе подтверждается тщательнымъ изученіемъ первоисточниковъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что было совсѣмъ ошибкой думать, будто благочестивые египтяне презирали эту земную жизнь, и ни о чемъ другомъ не помышляли и не заботились, какъ только о томъ, чтобы нѣкогда соединиться навѣки съ Озирисомъ на поляхъ Аэлю или какъ духи свѣта выступать каждый день въ свѣтъ бога-Солнца. Богатая жатва древностей, доставленная изслѣдованіемъ гробницъ,—изображеній и надписей, которыя естественно относятся къ жизни загробной,—дали поводъ думать, что это была излюбленная и даже почти исключительная тема египетскихъ писателей и художниковъ. Другія открытія, однако, доказали, что египтяне высоко цѣнили и земное существованіе, и что по этой самой причинѣ желали продолжать его въ иныхъ областяхъ «на милліоны лѣтъ». Вотъ почему и главнѣйшимъ ихъ священнымъ документомъ является Книга Мертвыхъ, сборникъ текстовъ, противъ магическаго дѣйствія коихъ оказываются безсильны демоны тьмы и разрушенія. Вотъ почему въ своихъ гробницахъ, по крайней мѣрѣ въ пору наивысшаго своего процвѣтанія, они изображали жизнь умершаго какъ еще болѣе прекрасное продолженіе его земной жизни со всѣми ея радостями и почестями. Вотъ почему они старательно бальзамировали тѣла своихъ покойниковъ: ихъ одушевляло не какое-нибудь только спиритуалистическое или сентиментальное желаніе искупленія отъ этого жалкаго существованія, а, напротивъ, надежда на его возобновленіе, которая побуждала ихъ заботиться о томъ, чтобы душа могла нѣкогда опять соединиться съ тѣломъ. По той же самой причинѣ они старались сдѣлать храмы своихъ боговъ достаточно прочными, чтобы они могли

противостоятъ вѣкамъ, и всѣ, кто владѣлъ средствами, цари и вельможи, старались сдѣлать то же съ своими гробницами—вѣчными своими обиталищами. По той же причинѣ, опять, главнымъ символомъ ихъ боговъ служило не какое-нибудь рѣзное изображеніе, а предпочтительно живое животное, отличающееся отъ всѣхъ прочихъ особенными признаками, какъ залогъ близости и вѣчности Бога. «Вѣчно возрождающійся Пта»—таково названіе самаго священнаго изъ всѣхъ этихъ животныхъ, быка—Хани въ Мемфисѣ. Представленія о побѣдѣ свѣта надъ тьмою, плодородія и возрастанія надъ бесплодіемъ и увяданіемъ,—тема сотенъ древнихъ мѣровъ и многочисленныхъ символовъ въ этическихъ религіяхъ—были общи египетской религіи вмѣстѣ со всѣми натуръ-религіями. Но ни одна религія древности не примѣнила этихъ представлений такъ рѣшительно къ человѣческой жизни и не выработала ихъ въ такой мѣрѣ въ доктрины и обряды; такъ что, однимъ словомъ, мы можемъ вполне справедливо назвать эту религію религіей Вѣчной Жизни или Безсмертія. И тѣ, кто имѣлъ случай прослѣдить перенесеніе этихъ представлений изъ Александріи въ греко-римскій міръ, въ позднѣйшее іудейство и раннѣйшее христіанство, должны признать, что Египетъ оказалъ чрезъ это весьма важную услугу общему религіозному развитію.

Ассириологія, или изученіе вавилонско-ассирійскихъ древностей, представляетъ болѣе юную отрасль науки, чѣмъ египтологія. Поэтому, какъ бы ни многочисленны были источники исторіи, обычаевъ и религіи Вавилона и Ассиріи, данныя намъ открытіями послѣднихъ лѣтъ, и какъ бы ни великъ былъ прогрессъ, сдѣланный уже въ истолкованіи этихъ документовъ, мы должны однако наблюдать здѣсь еще большую сдержанность и осторожность въ выводѣ заключеній. Исторію вавилонской религіи мы знаемъ до сихъ поръ не много болѣе, чѣмъ въ общихъ очертахъ. Безспорно, однако, что идея абсолютнаго правленія Бога, теократіи, составляла основу этой религіи, что послѣдняя была такимъ образомъ чисто семитической, и хотя усвоила много элементовъ раннѣйшей несемитической формы религіи, но переработала ихъ самостоятельно. Но при такомъ общемъ фамильномъ характерѣ, каковъ былъ, спрашивается, ея спеціальнѣйшій характеръ, — иными словами: какъ и насколько своеобразно она развила свою основную теократическую идею. Я не могу здѣсь говорить слишкомъ

положительно. Тѣмъ не менѣе могу сказать, что—насколько могу я судить—въ вавилонской религіи, которой только отпрыскомъ является ассирійская, преобладаетъ основная идея непознаваемости Бога, которая выражена и въ другихъ, специально семитическихъ религіяхъ, но здѣсь разработана съ особенной полнотою. Незмѣримая глубина и неизслѣдимая мудрость выражаются на вавилонскомъ языкѣ однимъ и тѣмъ же словомъ, причѣмъ это же слово обозначаетъ и силу, а въ производной формѣ—ревностную, пламенную молитву ¹⁾. Правленіе Бога какъ высочайшая сила непроницаемой мудрости, глубочайшаго и неизмѣримаго вѣдѣнія, составляетъ, по моему мнѣнію, главный догматъ вавилонской религіозной доктрины. Посредствомъ знаменій и чудесъ, оракуловъ и свидѣній, боги сообщали человѣку нѣчто изъ этой мудрости, и главная задача жрецовъ и мудрецовъ состояла въ томъ, чтобы повѣдать ихъ и истолковать мірянамъ. Слава объ этой вавилонской мудрости скоро распространилась по всему цивилизованному міру; но мы не должны судить о ней по обманамъ шарлатановъ, которые злоупотребляли ею, чтобы обманывать благочестивыя души въ Римѣ и вымогать у нихъ деньги, что дало поводъ консервативному старому Катону справедливо воскликнуть: *Chaldaeos ne consulito!* («Съ халдеями не совѣтуйся!»). Едва ли пужно говорить, что та же самая религіозная идея была свойственна и израильтянамъ. Но у послѣднихъ она была замѣнена другою—идеей святости, которая, происходя изъ понятія неприступности Божества, но будучи развита въ этическомъ смыслѣ, сдѣлалась отличительной чертой религіи Израиля.

Какъ двѣ религіи, принадлежащія къ одному и тому же семейству, имѣющія одинъ и тотъ же семейный характеръ и стоящія въ болѣе близкомъ родствѣ другъ съ другомъ, чѣмъ съ какими-либо другими религіями той же группы,—какъ эти двѣ религіи могутъ развиваться въ совершенно различныхъ направленіяхъ, ясно показываетъ намъ примѣръ иранской и индійской религіи. Здѣсь мы имѣемъ два народа, которые жили вмѣстѣ дольше, чѣмъ другія арійскія націи. Это доказываетъ ихъ языками, которые въ своихъ древнѣйшихъ формахъ представляютъ почти не болѣе, какъ два діалекта одного и того же языка. Равнымъ образомъ множество мнѣній, идей,

¹⁾ См. Fr. Delitsch, *Assyr. Handwörterbuch*, voc. *emak* и *te'u*.

названій боговъ, учреждений и обычаевъ были общи обоимъ. Главная жертва обоихъ, жертва Сома-Гаома, какъ бы много ни представляла измѣненій, была одна и та же. Мы могли бы привести еще много другихъ примѣровъ. И однако какое различіе въ ихъ спеціальныхъ характерахъ! Я имѣю въ виду при этомъ не тотъ фактъ, что индійская религіозная доктрина выражена въ чрезвычайно богатой мнѳологіи, съ неограниченнымъ почти числомъ Девовъ, тогда какъ иранская, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшемъ заратустризмѣ, отличается большою трезвостью, признаетъ всего лишь семь небесныхъ духовъ, причѣмъ шесть изъ нихъ являются просто лишь персонифицированными атрибутами одного высочайшаго духа, и такимъ образомъ приближается къ монотеизму, съ Сраоша какъ единственнымъ посредникомъ, видимо игнорируя древнюю мнѳологію. Во-первыхъ, это было результатомъ опредѣленной реформы, въ которой, притомъ же, не было исключено всецѣло вліяніе чужеземныхъ идей. И во-вторыхъ, театроническій характеръ иранской религіи не отрицаемъ. Разные старые арійскіе боги вмѣстѣ съ многочисленными мѳами опять скоро проникли въ заратустрианскую систему и были восприняты въ культъ. Я разумѣю другое различіе. У иранцевъ освящается религіей практическая доктрина морали, земледѣліе и осѣдая жизнь представляютъ религіозный долгъ, прилежаніе и трудолюбіе, и даже богатство, пріобрѣтенное честнымъ трудомъ, разсматриваются какъ первѣйшія добродѣтели, между тѣмъ какъ затворники и аскеты, хотя и не неизвѣстны, мало пользуются уваженіемъ. У индійцевъ, наоборотъ, аскетическое созерцаніе, удаляющее человѣка все дальше и дальше отъ практической жизни и отвлекающее его отъ обычныхъ человѣческихъ обязанностей,—хотя у Брамановъ оно ставится еще въ извѣстныя ограниченія,—выставляется какъ высшее правило жизни у Погиновъ, Джайновъ и Бауддховъ. Иранецъ надѣется на блаженную жизнь въ общеніи съ Агура-Маздой, и мечтаетъ о будущемъ мірѣ, когда будутъ разрушены все созданія Ангра-Майнью, Злого Существа, которыя портятъ благое твореніе Мазды; но мѣстомъ этого завершения міра будетъ настоящая земля; и пока иранецъ пребываетъ здѣсь, на этой землѣ, онъ наслаждается жизнью и цѣнитъ многочисленныя блага этого несовершеннаго бытія. Для индійца настоящее существованіе становится все болѣе и болѣе бременемъ, источникомъ всякаго страданія, отъ котораго онъ можетъ освободиться только или

погруженіемъ въ Божество или всецѣлымъ уничтоженіемъ. Иранскій поклонникъ Мазды привязанъ своей религіей къ землѣ: онъ идетъ среднимъ золотымъ путемъ, тщательно выравненнымъ путемъ пристойности и соціальной добродѣтели; онъ вѣритъ, что вся міровая драма будетъ сыграна въ теченіе двѣнадцати тысячъ лѣтъ; и только когда онъ возвращается къ своимъ старымъ мноамъ и божествамъ, его фантазія опять выпускаетъ, хотя и робко, свои крылья. Фантазія индуса ничѣмъ не связана; онъ считаетъ не тысячами годовъ, а тысячами вѣковъ; безопасность средняго пути ему невѣдома; то онъ возносится на головокружительную высоту самаго смѣлаго созерцанія и погружается въ спиритуализмъ, который дѣлаетъ его нечувствительнымъ ко всему другому; то погружается — въ силу естественной реакціи — въ бездну самой грубой и отвратительнѣйшей чувственности, которую едва даже заботится прикрыть жалкимъ мистицизмомъ. Искать причины этого явленія, этого рѣзкаго контраста, — не входитъ въ нашу задачу; я могъ бы здѣсь повторить только то, что сказано объ этомъ въ другомъ мѣстѣ (въ моей «Исторіи религій въ древности») ¹⁾. Я долженъ только замѣтить, что этотъ контрастъ не можетъ быть приписываемъ исключительно, или даже преимущественно, иноземному вліянію и внѣшнимъ обстоятельствамъ, а обусловливается также и характеромъ самихъ народовъ. Вопросъ, который интересуетъ насъ здѣсь, заключается въ томъ, какой вкладъ внесли эти двѣ религіи въ общее развитіе религій.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на характеръ заратустризма. Возникши изъ древней общей антитезы свѣта и тьмы, жизни и смерти, онъ развился въ антитезу добра и зла, чистаго и нечистаго. Это, слѣдовательно, антитеза этическая, однако не въ томъ смыслѣ, что она совпадаетъ съ противоположностью между здѣшней и загробной жизнью, между земнымъ и небеснымъ, между матеріальнымъ и духовнымъ. Напротивъ, зло въ природѣ и мірѣ человѣческомъ, зло физическое и моральное, преходяще; оно господствуетъ въ подземныхъ областяхъ Отца Лжи и если проявляетъ извѣстную силу надъ этимъ земнымъ обиталищемъ, то только временно. Ему предназначено нѣкогда быть совершенно уничтоженнымъ. Заратустрианская доктрина предста-

¹⁾ Geschiedenis van den godsdienst in de Oudheit; вѣм. обраб. G. Geerich'a: Geschichte der Religion im Altertum.

вляеть первую серьезную попытку согласовать матеріальные интересы и потребности съ духовными нуждами и желаніями человѣчества, и примирить временное съ вѣчнымъ, разсматривая первое какъ отображеніе послѣдняго и приготовленіе къ нему. Основная религіозная идея заратустризма, впервые опредѣленно имъ выраженная и, какъ свидѣтельствуєтъ исторія, не оставшаяся безплодной, заключается въ томъ, что жизнь благочестиваго человѣка есть святой трудъ и борьба, постоянно направленная противъ зла и нечистоты въ томъ, что мы привыкли различать какъ міръ природы и міръ духа, чтобы тотъ и другой въ концѣ концовъ быть совершенно освобожденъ отъ нихъ,—словомъ, что всякій благочестивый человѣкъ, по мѣрѣ силъ своихъ, есть соработникъ Богу.

Индія презираетъ земное и преходящее, чтобы свободно вознестись въ высшія сферы. Она не пытается примирить міръ и Бога, а объясняетъ міръ какъ простой лишь призракъ и обманъ. Ея религія является величественной, но безуспѣшной попыткой схватить силой, какъ бы добычу, Безконечное, Неограниченное, Неизмѣримое. Но именно благодаря своему презрѣнію ко всякой реальности, благодаря своему чрезмѣрному идеализму, браманизмъ, первоначально столь исключительный и ограниченный только тремя привилегированными классами, въ своемъ позднѣйшемъ развитіи, какъ буддизмъ, открылъ свободный путь къ спасенію всѣмъ, кто только исполняетъ условія его достиженія, и къ избавленію отъ всѣхъ конечныхъ узъ. Это была, такимъ образомъ, первая религія, которая дошла до идеи искупленія, спасенія, назначеннаго не для отдѣльныхъ классовъ или одного народа, а для всѣхъ людей какъ людей; это была первая религія, которая — хотя еще и не вполне сознательно — почувствовала единство человѣческаго рода въ его стремленіяхъ къ Безконечному замного ранѣе, чѣмъ эта идея предстала уму греческихъ философовъ и возвѣщена была въ Евангеліи какъ положительное ученіе. Изъ лона браманизма родилась первая универсалистическая религія, первая религія, которая имѣла стремленіе объять всѣхъ людей. И что бы мы ни думали относительно ея ученія объ искупленіи, тотъ фактъ, что эта идея была схвачена, открыто возвѣщена, и такъ или иначе осуществлена, представляетъ одинъ изъ вѣжчайшихъ поворотныхъ пунктовъ, одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи религіознаго развитія.

Хотя и не такъ близко родственны, какъ индійцы съ пер-

сами, но все же въ большомъ родствѣ между собою стоятъ греки и римляне, которые, вмѣстѣ съ Израилемъ, справедливо называются нашими духовными предками, поскольку мы унаслѣдовали отъ нихъ сокровища ихъ высокой культуры. Кроме того, эти сестры—націи очень рано вступили между собою въ историческія сношенія, становившіяся все болѣе и болѣе тѣсными и живыми, такъ что невозможно понять одну изъ нихъ, и римскую въ особенности, безъ знанія другой. Это не требуетъ никакихъ доказательствъ, такъ какъ всякому извѣстно, какое могущественное и огромное вліяніе греческая цивилизація, искусство, литература и философія оказали на римскую культуру, такъ что послѣдняя въ дѣйствительности является лишь продолженіемъ первой и можетъ быть названа греко-римской. Посредниками въ этомъ случаѣ были сначала этруски, первые учителя римлянъ, бывшіе сами, какъ показываетъ ихъ искусство и религія, учениками и послѣдователями грековъ. Затѣмъ слѣдовали сношенія съ Великой Греціей, южной частью итальянскаго полуострова, гдѣ была утверждена и распространена греческая культура, и наконецъ, завоеваніе Эллады, которое все болѣе и болѣе вело покорившій и вѣдше господствовавшій народъ къ подчиненію духовному господству своихъ подданныхъ.

И однако какое громадное различіе въ характерѣ, а слѣдовательно и въ религіозномъ развитіи, между этими двумя націями, столь тѣсно связанными своимъ происхожденіемъ и взаимнымъ общеніемъ! Для развитія религіи греки сдѣлали больше, чѣмъ обычно предполагаютъ, и трудно выразить въ немногихъ словахъ все то, что они сдѣлали. Ихъ религія называется религіей красоты, эстетической утонченности, и вполне справедливо. Мы естественно прежде всего думаемъ объ ихъ рѣдкихъ артистическихъ дарованіяхъ, о гении ихъ скульпторовъ и архитекторовъ. Между тѣмъ какъ скульпторы въ своихъ образныхъ произведеніяхъ умѣли представить идеальную красоту въ чарующей прелести, силѣ и возвышенности своихъ изображеній боговъ, и въ то же время передать въ выраженіи ихъ лицъ чистоту, строгость, мудрость, словомъ, всѣ моральные атрибуты олимпійцевъ; архитекторы создали имъ соответственныя обиталища, величественныя и изящныя, и въ то же время простыя и скромныя по стилю, и потому въ дѣйствительности болѣе величественныя и поразительныя, чѣмъ громадныя святилища Египта и Вавилона. Мы вспоминаемъ также

ихъ поэтовъ и писателей, которые, подобно Гомеру, переработали древніе натурь-миѡы въ увлекательную поэзію; или подобно трагическимъ поэтамъ, дали въ своихъ драмахъ конкретную форму глубочайшимъ религіознымъ мыслямъ въ страдающихъ герояхъ, освящающихся чрезъ свои страданія; или, подобно Платону, изложили въ своихъ безсмертныхъ трудахъ свои умозрѣнія по высочайшему вопросу, какой только можетъ занимать человѣческій умъ,—по вопросу о началѣ и сущности бытія, нисколько не жертвуя приэтомъ глубиною и богатствомъ содержанія красотъ формы. Насколько все это они заимствовали съ Востока, намъ нѣтъ теперь нужды опредѣлять это. Но если даже въ своемъ пластическомъ искусствѣ они начали старательнымъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, то стоить только обратить вниманіе на то, какъ они съ теченіемъ времени усовершенствовались и превратили въ идеальныя человѣческія формы, чтобы понять, что это были за исключительныя артисты. То же самое можно сказать и относительно ихъ умственныхъ созданій. Мы нѣтъ нужды повторять то, что я уже сказалъ раньше относительно очищенія, которому подвергли ихъ трагики и философы миѡологію. Позвольте мнѣ только напомнить вамъ трехъ главныхъ боговъ, представляемыхъ у Гомера еще тѣсно соединенными, которые послѣдовательно дѣлаются представителями разныхъ періодовъ въ исторіи эллинской религіи—Зевса, Аполлона и Аѡицу. Зевсъ, несмотря на его возвышенное положеніе, несмотря на верховенство и приписываемые ему духовные атрибуты, ясно еще остается натурь-богомъ, небеснымъ богомъ грома и дождя. Аполлонъ, первоначальное физическое значеніе котораго можно еще распознать, хотя теперь онъ гораздо болѣе отдѣленъ отъ природы, остается еще открывателемъ воли Всевышняго и отвратителемъ бѣдствія и пагубы, но прежде всего является богомъ, который воплощаетъ все богатство греческой духовной жизни даннаго періода, богомъ поэзіи, музыки и пѣнія, мудрости и самопознанія, братомъ Музъ, и въ то же самое время богомъ искупленія и примиренія, охранителемъ мира между всѣми эллинами, по преимуществу національнымъ богомъ, пользующимся однако высокимъ почтеніемъ и со стороны иноземцевъ. И наконецъ Аѡица, строгая дѣвственница, свѣтлый характеръ которой всецѣло перенесенъ въ область духа, дѣлается истинной небесной представительницей всего того, что почитала и къ чему стремилась, какъ къ высочай-

шей цѣли, интеллектуальная столица древняго міра, такъ что мы можемъ только догадываться о томъ явленіи природы, олицетвореніемъ котораго она нѣкогда служила. Несомнѣнно, что греки первые, и въ примѣръ на всѣ времена, постигли божественное какъ вѣчно прекрасное, создали идеальное воплощеніе для духовныхъ идеаловъ, и такимъ образомъ примирили религію съ искусствомъ, святое съ эстетическимъ.

Но этимъ отнюдь еще не исчерпываются ихъ выдающіяся заслуги въ исторіи религіознаго развитія. Народъ артистовъ и поэтовъ, греческій народъ былъ не менѣе богатъ философами и мыслителями. Оффиціальныя представители религіи могли смотрѣть на нихъ съ подозрѣніемъ и преслѣдовать, народные вожди могли возбуждать противъ нихъ толпу, поэты, чуждавшійся новшествъ, могъ осмѣивать ихъ въ своихъ комедіяхъ, но ни оппозиція, ни преслѣдованія, ни насмѣшки не могли помѣшать греческимъ философамъ брать именно религію и божественное предметомъ своего созерцанія, и такимъ путемъ они открыли вѣчныя истины, и выразили идеи, которыя получили общее признаніе только много позднѣе, когда засіялъ свѣтъ Евангелія. Если мы называемъ эллиновъ народомъ артистовъ и поэтовъ, то мы должны по справедливости сказать еще, что это былъ и народъ мыслителей. Съ религіознымъ элементомъ они соединили не только эстетическій, но точно также и интеллектуальный; они не только освятили искусство религіей, какъ это сдѣлали другіе народы, но прославили и религію самымъ высочайшимъ и совершеннѣйшимъ въ своемъ родѣ искусствомъ, и, сверхъ того, и въ религіи они искали истины.

Эти дарованія, эти эстетическія и философскія стремленія, опредѣлили характеръ ихъ религіи, характеръ, который рѣзко отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ религій, и отъ римской въ особенности. Это—аристократическая религія по преимуществу, и она была ниспровергнута демократіей. Нигдѣ въ древности, за исключеніемъ можетъ быть Индіи, да и то совершенно иначе, индивидуальный элементъ не утверждалъ столь рѣшительно своего верховенства надъ общественнымъ и традиціоннымъ; нигдѣ столь славный рядъ великихъ умовъ не обнаруживалъ такого господствующаго вліянія на развитіе религіи. Нигдѣ жреческая власть не отступаетъ такъ далеко на задній планъ; и если здѣсь священники имѣютъ какую-нибудь дѣйствительную и прочную силу, то получаютъ ее только бла-

годаря тому, что по мѣрѣ силъ своихъ участвуютъ въ духовномъ прогрессѣ своего вѣка и усвояютъ его результаты. Это есть религія человечества въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова.

У римлянъ, наоборотъ, преобладасть не личный, индивидуальный элементъ, а общество. Число ихъ собственныхъ боговъ, имѣвшихъ твердо установившійся характеръ и опредѣленную личность, крайне ограничено, и характеры ихъ вообще не такъ рѣзко очерчены, какъ у греческихъ боговъ. Большинство идей о высшихъ существахъ, которыя они составили сами, суть почти ничто иное, какъ представленныя въ качествѣ духовъ абстракціи—добродѣтели, наклонности, дѣйствія,—въ которыхъ нельзя не признать остатковъ слѣдовъ анимизма, какъ напр. въ *Aius Locutius*—геніи предостерегающаго голоса, въ *Aesculanus* и *Argentinus*—духахъ-охранителяхъ мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ, и мн. др. Ихъ міоологія замѣчательно бѣдна. Большинство великихъ боговъ, играющихъ въ ней роль, заимствованы отъ грековъ или изъ Малой Азіи, порой удерживая свои латинскія имена, пластическія изображенія и иноземные обряды, порой смѣшиваясь съ туземными богами или богинями, порою же подвергаясь большимъ видоизмѣненіямъ и лишаясь своего первоначальнаго характера и функцій, какъ это можно видѣть изъ сравненія напр. Меркурія съ Гермесомъ, или Минервы съ Аѣиной, и другихъ случаевъ. Римляне всегда чувствовали нѣкоторую боязнь сдѣлать божественныя силы слишкомъ подобными людямъ; и если слѣдовали антропоморфизму эллиновъ, то только издалека и съ колебаніемъ. Отличавшія ихъ качества, которыя дали имъ возможность создать могущественную имперію—*Tu regere imperio populos, Romane, memento!*—и посредствомъ своихъ законовъ господствовать не только надъ народами древняго міра, но и надъ позднѣйшими поколѣніями долгое время послѣ паденія ихъ имперіи,—качества, которыя Моммзенъ характеризуетъ какъ глубокое чувство общаго въ частномъ, какъ посвященіе и пожертвованіе индивидуума ради общества,—эти качества господствуютъ и въ ихъ религіи. У нихъ нѣтъ ни игривой фантазіи, ни поэтическаго полета, ни философской глубины, ни богатства разнообразія, а вся забота сосредоточена на практическомъ, необходимомъ, всюду методически упорядоченномъ въ монотонномъ единообразіи. Но въ своей твердо установленной, и въ то же время постоянно распространявшейся и развивавшейся іерархіи, римская религія показала удивительную силу религіознаго общества.

остающагося неизмѣнно вѣрнымъ своему преданію, откуда христіанство заимствовало образецъ для своей первой великой организаци, которая стоитъ еще и доселѣ.

Позвольте мнѣ мимоходомъ замѣтить, что указанные нами два противоположныя направленія, представляемые данными аріійскими народами, нерѣдко встрѣчаются другъ подлѣ друга у одного и того же народа, или какъ двѣ соперничающія религіи, или просто какъ два сталкивающіяся воззрѣнія на жизнь въ лонѣ одной и той же религіи. Первое, напр., мы встрѣчаемъ у китайцевъ. Здѣсь мы находимъ довольно здравый конфуціанизмъ, религію мудраго Конга, который въ шестомъ столѣтіи до Р. Хр. реформировалъ существовавшій тогда государственнй культъ,—религію, которая главнымъ образомъ состоитъ въ почитаніи духовъ, особенно умершихъ предковъ, и въ соблюденіи тщательно выработаннаго кодекса нравственности, приспособленнаго къ практикѣ и примѣненнаго къ частной, соціальной и политической жизни. И рядомъ съ нимъ мы находимъ Тао-измъ, религію, послѣдователи которой основываются на Лао-тсе, старшемъ современникѣ Конг-тсе, съ его смѣлыми, глубокими и часто мрачными умозрѣніями, его любовью къ уединенію и бѣгству отъ требованій практической жизни, его безграничной вѣрой въ чудеса,—религію, которая у неразвитаго народа, неспособнаго слѣдовать высокому полету учителя, выродилась въ страшное суевѣріе, комбинацію древней міѳологіи съ мелочнымъ нраво-ученіемъ и глумлѣйшими волшебствами. Чтобы показать вамъ, какъ два вышеназванныя направленія могутъ проявляться другъ подлѣ друга въ одной и той же религіи, я долженъ только обратить ваше вниманіе на собственный вашъ опытъ—на то, что происходитъ въ окружающемъ васъ христіанскомъ мірѣ, и чему учитъ исторія христіанства. Съ одной стороны мы находимъ здѣсь презирающій міръ идеализмъ, бѣгущее отъ міра благочестіе, отрекающуюся отъ міра монашескую и отшельническую жизнь, которая имѣетъ не мало общаго съ индійской. Съ другой стороны находимъ попытку соединить требованія религіозной жизни съ потребностями практической, попытку любить духовное, не оставляя мірскаго,—попытку, которая, будучи доведена до крайности, можетъ превратить религію, сознательно или безсознательно, просто лишь въ доморощенную нравственность, но, при надлежащемъ пониманіи, можетъ проложить путь къ рѣшенію великаго вопроса жизни—при-

миренію человѣческаго и божественнаго, конечнаго и безконечнаго въ человѣкѣ.

Но въ настоящее время мы не можемъ заняться этимъ вопросомъ подробнѣе. Приведенныхъ мною примѣровъ достаточно для доказательства того, что развитіе, какъ я уже сказалъ, есть весьма сложное явленіе, что оно не идетъ по прямой линіи и съ полной правильностью, но что въ одномъ мѣстѣ особенно развивается одна сторона религіозной мысли и жизни, въ другомъ—другая, такъ что каждая религія, каждая секта, каждое направленіе приносятъ свою дань общему развитію. Но они не могутъ сдѣлать этого, не могутъ принести пужнаго плода, когда остаются изолированными и бьютъ дальше цѣли вслѣдствіе доведенной до чрезмѣрности своей односторонности. Правда, обычно наступаетъ реакція. Но эта реакція обыкновенно является насильственнымъ переворотомъ, переходомъ къ противоположной крайности. Чрезмѣрный спиритуализмъ Индіи, который пытался подняться выше всякой чувственности, подавить всѣ человѣческія чувства, даже самыя благороднѣйшія страсти и чистѣйшія расположенія, чтобы человѣкъ могъ стать абсолютно ничѣмъ несвязаннымъ духомъ, подобнымъ Высочайшему, неизбѣжно велъ къ отвратительнымъ эксцессамъ и возмутительнымъ оргіямъ сектъ Сакти, къ ученію и практикѣ самаго грубѣйшаго натурализма. Кто не знаетъ, что вышло изъ нѣдомудрія, добровольной нищеты и міроотреченія многихъ монашескихъ орденовъ, и какъ часто чрезмѣрный мистицизмъ—не здравый мистицизмъ—низвергалъ ихъ съ небесныхъ высотъ чисто божественнаго, куда они старались воспарить подобно Икару, въ бездну самой грубѣйшей чувственности. Ясно, слѣдовательно, что реакція, особенно когда она имѣетъ революціонный характеръ, не необходимо ведетъ къ прогрессу; напротивъ она безусловно мѣшаетъ ему, когда доводится до крайней степени. Нѣкоторые думали, что здѣсь можетъ быть открытъ законъ развитія, — «законъ прогресса чрезъ реакцію», или, какъ выражаетъ его новѣйшій американскій ученый Samuel Johnson ¹⁾ «законъ самонахожденія чрезъ реакцію» (*the law of self-recovery by reaction*), законъ, о которомъ еще Гизо—больше практически, чѣмъ научно—сказалъ, что онъ препятствуетъ ложнымъ идеямъ и учрежденіямъ

¹⁾ Oriental Religions in their relation to Universal Religion, I. 18 seq. См. также Theol. Tijdschrift, VIII, 1874, 256 seq.

развиваться до тѣхъ предѣловъ, до коихъ логически допускаютъ ихъ принципы. Я самъ нѣкогда формулировалъ этотъ законъ такъ: «Развитіе, включая сюда и развитіе религіи, всегда совершается въ формѣ послѣдовательной выработки и примѣненія опредѣленной тенденціи, которая, являясь сама реакціей взглядамъ, господствовавшимъ въ предшествовавшій періодъ, приводитъ къ другой подобной же реакціи, и такимъ образомъ, чрезъ самую свою односторонность, къ прогрессу». Однако даже и эта формулировка не представляется уже мнѣ вполне удовлетворительной. Но что здѣсь заключается великая и неоспоримая истина, это очевидно изъ только что сказаннаго. Развитіе есть продуктъ различныхъ теченій, идущихъ каждый собственнымъ своимъ путемъ до самаго конца, подъ условіемъ только, если они въ концѣ концовъ сливаются въ одно, а не увлекаются внезапно въ совершенно инныя направленія. *Равновѣсіе* должно быть восстановлено. Если ваше судно сильно кренится и грозитъ опрокинуться, то вы не восстановите его равновѣсія и не отвратите опасности, если въ испугѣ сразу переложите весь грузъ на противоположную сторону. Но это самое какъ разъ и дѣлаетъ обычно реакція. Всякая реакція, даже когда она выступаетъ подъ именемъ анти-революціонной и является дѣйствительно простымъ лишь восстановленіемъ стараго, по самому существу своему революціонна. Она полезна какъ предостереженіе, подобно тому какъ спасительна лихорадка въ качествѣ показателя болѣзни. Она можетъ открыть глаза мудрымъ и разумнымъ, глубокимъ мыслителямъ, призваннымъ быть врачами человѣчества, на необходимость спасительныхъ мѣръ и восстановленія потеряннаго равновѣсія. Но ничего большаго реакція сдѣлать не можетъ. Сама по себѣ она не можетъ оказать помощи, такъ какъ обычно не признаетъ всего того, что есть добраго и истиннаго въ противоположной ей системѣ. Предоставленная самой себѣ, она можетъ только привести отъ худого къ еще худшему. Въ дѣйствительности, она есть лишь симптомъ болѣзни, требующей леченія, и самое большее, что она можетъ сдѣлать, это—дать указаніе на тотъ путь, какимъ должно идти леченіе, и на тѣ средства, какія слѣдуетъ примѣнить.

Это излеченіе можетъ совершиться только путемъ примиренія, благодаря которому восстанавливается равновѣсіе, или (употребляя болѣе подходящій образъ) благодаря которому направленія, повидимому, враждебныя и несовмѣстимыя въ силу

своей односторонности, вступаютъ въ гармоническое взаимодействие. Разумѣтся, и эта комбинація будетъ еще не полной, какъ несовершенно все человѣческое, и будетъ на первыхъ порахъ скорѣе только стремленіемъ, идеаломъ, который долженъ осуществляться постепенно, но все же это будетъ шагъ, сдѣланный въ вѣрномъ направленіи. Союзъ, который объединяетъ то, что было прежде раздѣлено, становится благодаря этому выше; потому что онъ учитъ насъ признавать какъ равно законныя,—мало того, какъ необходимыя для религіозной жизни и мысли,—тѣ элементы въ каждомъ направленіи, которые пренебрегаетъ или не признаетъ въ другомъ противоположное направленіе, и такимъ образомъ сохраняетъ все, что есть хорошаго въ каждомъ изъ нихъ, и ставитъ его на службу дальнѣйшему развитію религіи. Знаменитая трилогія Гегеля, *тезисъ, антитезисъ, синтезисъ*, можетъ быть названа скорѣе апріорнымъ умозрѣніемъ, насильственно примененнымъ къ исторіи, нежели твердо-обоснованной гипотезой, выведенной изъ послѣдней, и во всякомъ случаѣ не приложима всегда и всюду къ развитію человѣчества; тѣмъ не менѣе она въ дѣйствительности оказывается болѣе полной, и потому болѣе правильной, чѣмъ законъ *самонахожденія чрезъ реакцію*. Улучшеніе и прогрессъ являются не результатомъ антитезиса, потому что послѣдній заставляетъ насъ лишь падать изъ одной крайности въ другую, а совершаются исключительно черезъ синтезисъ, совершается ли этотъ процессъ вполне сознательно, или осуществляется непроизвольно вслѣдствіе ослабленія противоположныхъ силъ, вступившихъ въ конфликтъ между собою. Если, поэтому, вообще существуетъ здѣсь какой-либо законъ, то мы предпочитаемъ называть его закономъ прогресса чрезъ синтезисъ или примиреніе. Но мы увидимъ впоследствии, что это только одна фаза, простое обнаруженіе, главнаго закона, управляющаго всякимъ развитіемъ, включая и развитіе религіи.

Но какъ бы мы ни называли это явленіе, оно есть фактъ, а не какая-нибудь прихоть фантазіи или плодъ умозрѣнія. Когда два потока развитія, шедшіе ранѣе каждый своимъ собственнымъ отдѣльнымъ путемъ, встрѣчаются и объединяются, то возникаетъ высшая форма религіи, или, какъ мы называли бы это въ жизни природы, новая и болѣе богатая разновидность, продуктъ скрещенія. Раннѣйшій примѣръ этого представляетъ религія Заратустры. Она принадлежитъ еще несо-

миѣнно къ теантропическимъ формамъ религіи, но проникнута гораздо сильнѣе теократическими элементами, чѣмъ другія религіи, какъ напр. индійская. Это замѣчали уже давно, и въ частности искали особенно слѣдовъ семитическаго вліянія. Но никакого доказательства, основаннаго на историческихъ документахъ, для этого привести нельзя. Происхожденіе заратустріанской реформациі покрыто слишкомъ мракомъ неизвѣстности; и гипотеза, что она совершилась въ сравнительно поздній періодъ, и заимствовала свое новое ученіе изъ греческой философіи, должна быть признана несостоятельной. Мы не можемъ сказать, какія историческія обстоятельства дали ей толчокъ, или откуда пришелъ тотъ духъ, который преобразовалъ древній иранскій культъ Девовъ въ этическое преимущественно почитаніе Агуры. Но несомнѣнно, что заратустризмъ основанъ на примиреніи не только, какъ мы сказали, между требованіями земного и небеснаго, но и—главнымъ образомъ—между традиціонными дуалистическо-теантропическими представленіями и теократическимъ монизмомъ, столь ясно выраженнымъ въ возвышеніи Мазда-Агуры, творца неба и земли, надъ его спутниками, и въ почти чистомъ монотеистическомъ ученіи древнѣйшихъ памятниковъ.

Другой примѣръ представляетъ іудейство. Всякому хорошо извѣстно, что существуетъ большое различіе между чистымъ еще теократическимъ ученіемъ мозаизма до плѣна и позднѣйшимъ іудейскимъ ученіемъ, смѣшаннымъ съ разнаго рода теантропическими представленіями. Эти измѣненія, въ частности подробно раскрытое ученіе объ ангелахъ и дьяволѣ, и особенно эсхатологія, которыя были неизвѣстны древнему Израилю, до сихъ поръ приписывались общенію народа съ персами. Въ настоящее время ученые болѣе склонны объяснять эти различія самостоятельнымъ туземнымъ развитіемъ. По моему убѣжденію, однако, эти новыя ученія были заимствованы, но только скорѣе отъ халдеевъ или вавилонянъ, чѣмъ отъ персовъ. Но если даже этотъ вопросъ мы оставимъ открытымъ, остается все же несомнѣннымъ, что здѣсь были два различныхъ теченія, хотя бы возникшихъ въ лопѣ той же самой націи, которыя встрѣтились и объединились. И слѣдствіемъ этого является то, что іудейство освобождается отъ оговъ партикуляризма, дѣлается изъ чисто національной религіи почти универсалистической, т. е. общечеловѣческой, и такимъ образомъ пролагаетъ путь для христіанства.

Въ иномъ направленіи этотъ путь былъ проложенъ греко-римской религіей. Вся исторія римской религіи представляетъ исторію постояннаго и систематическаго перенесенія греческихъ представленій и обычаевъ въ твердо установленное знаніе римскаго культа. Но греческая религія сама была отнюдь не чужда стороннихъ примѣсей. Ея форма, какъ она отразилась въ богатой литературѣ этого наиболѣе одареннаго народа древности, была обязана сопряженію съ Востокомъ. Будучи теантропической по своему происхожденію и характеру, она носитъ несомнѣнные слѣды вліянія теократическихъ идей. Было бы чрезвычайно важною и занимательною, хотя и весьма трудной задачею опредѣлить, насколько греческая религія обязана была народамъ Малой Азіи, съ которыми смѣшались эллины, и насколько—посредственно или непосредственно—сеMITамъ. Но въ настоящее время мы не можемъ заняться ею. Я не осмѣлюсь даже высказать составившагося у меня по этому вопросу мнѣнія, такъ какъ тогда я долженъ былъ бы представить и подробныя основанія, на которыхъ оно опирается. Я не иду, во всякомъ случаѣ, такъ далеко, чтобы утверждать, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые выдающіеся ученые, будто результатъ изслѣдованія показалъ бы, какъ поразительно мало удержалось въ греческой религіи первоначально греческаго, и какъ несравненно большая и важнѣйшая часть была заимствована съ Востока, и особенно отъ семитовъ, хотя заимствованное и было всецѣло ассимилировано греками, видоизмѣнено въ ихъ духѣ и сообразно ихъ потребностямъ и, главное, возвышено ихъ артистическимъ гениемъ. Но если даже мы признаемъ въ настоящее время только то, что допускается всѣми безпристрастными изслѣдователями, и будемъ считать доказаннымъ только присутствіе чужеземныхъ элементовъ въ мифахъ о Гераклѣ, Европѣ, Пигмалионѣ, въ культѣ Критскаго Зевса, Кабировъ Самоеракіи, Аполлона, Діониса и Афродиты, въ мистеріяхъ, въ пифагорейской и стоической философіи, то все же нельзя отрицать, что здѣсь впервые происходитъ встрѣча и объединеніе Востока и Запада, что эллинская религія никогда не достигла бы своего полнаго развитія, и греческая религіозная мысль никогда бы не доставила того матеріала, изъ котораго христіанская догматика соткала себѣ первую одежду, если бы теантропическія воззрѣнія съ самыхъ раннихъ поръ не были модифицированы теократическими, и восточный мистицизмъ не соединился съ греческимъ раціонализмомъ.

Въ христіанствѣ это сліяніе двухъ великихъ теченій развитія находитъ свое завершеніе. Тогда какъ буддизмъ достигаетъ крайняго предѣла въ теантропическомъ направленіи и все божественное объединяетъ въ просвѣщенномъ, чтобы вскорѣ же опять выродиться въ сложную миѳологію и грубое суевѣріе; тогда какъ Исламъ въ своемъ почти фаталистическомъ монотеизмѣ представляетъ самую крайнюю теократію и въ тоже время впадаетъ въ значительной мѣрѣ въ старый партикуляризмъ, христіанство объединяетъ оба противоположныя ученія—о трансцендентности и имманентности—своимъ этическимъ пониманіемъ отечества Бога, каковое заключаетъ въ себѣ какъ понятіе о возвышенности Бога надъ человѣкомъ, такъ и идею родства человѣка съ Богомъ. Христіанство является самой многосторонней изъ всѣхъ религій и семей религіи, и благодаря этому обладаетъ той приспособленностью, или, какъ говорится—эластичностью, которая объясняетъ великое богатство и разнообразіе его формъ. Христіанство есть религія примиренія болѣе, чѣмъ въ одномъ отношеніи, и болѣе, чѣмъ какое бы то ни было другое исповѣданіе; оно есть религія примиренія и въ томъ смыслѣ, что соединяетъ тѣ повидимому непримиримыя элементы религіозной жизни, которые обособленно выступаютъ и односторонне развиваются въ другихъ религіяхъ и въ другіе болѣе или менѣе продолжительные періоды. Кромѣ противоположныхъ доктринъ теократіи и теантропизма оно объединяетъ еще и другіе элементы. Въ своей проповѣди о царствѣ Божіемъ, которое существуетъ не только въ будущемъ, или исключительно только на небесахъ, а и среди насъ, и должно осуществляться на землѣ, равно какъ и въ своемъ прекрасномъ ученіи объ общеніи святыхъ, о братствѣ всѣхъ людей и ихъ равенствѣ предъ Богомъ, оно стремится къ тѣснѣйшему единенію всѣхъ людей, безъ различія ихъ происхожденія, языка, или цвѣта; но въ то же время оно оставляетъ индивидуума совершенно свободнымъ, поскольку признаетъ единственною связью общества единство духа и объявляетъ каждаго человѣка отвѣтственнымъ исключительно предъ собственною своею совѣстью,—совершенно иначе, нежели буддизмъ, который подавляетъ всякую индивидуальность, поскольку уничтожаетъ личность и предписываетъ каждому послѣдователю пассивное послушаніе стоящимъ надъ нимъ властямъ. Христіанство ни относится враждебно къ міру, ни смѣнивается съ нимъ, и потому не уклоняется ни въ опти-

мизмъ, ни въ пессимизмъ; оно высоко цѣнить и восхваляетъ величайшее самоотверженіе, отреченіе отъ всего, ради цѣлей благочестія, но осуждаетъ безцѣльное самоотреченіе, постъ и воздержаніе ради нихъ самихъ, какъ заслуги сами по себѣ. Оно противопоставляетъ суровому пророку покаянія въ его одеждѣ изъ верблюжьего волоса, который питался только тѣмъ, что давала ему пустыня, безконечно величайшаго «Сына Человѣческаго, который пришелъ, ядый и пій», кроткаго Учителя, который сидѣлъ на пиришествахъ и бракахъ съ фарисеями и мытарями, съ друзьями и учениками. Оно хочетъ быть свѣтомъ міра, солью земли, все проникая и освящая закваской своего духа.

Я не утверждаю, что примиреніе этихъ антиномій, слияніе этихъ расходящихся теченій, вполнѣ совершилось уже въ историческомъ христіанствѣ. Мы часто находимъ ихъ здѣсь еще другъ подлѣ друга, или въ борьбѣ между собою; то одна, то другая религіозная идея культивируется съ особеннымъ предпочтеніемъ, воплощается въ различныхъ церквахъ и сектахъ, и защищается односторонними приверженцами. Но въ то же время мы находимъ въ лонѣ христіанства—и это отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ этическихъ религій, изъ коихъ даже самыя универсалистическія знаютъ въ дѣйствительности только одну норму религіозной жизни,—находимъ въ то же время всѣ эти различныя направленія, и всѣ они при этомъ съ равнымъ правомъ опираются на одномъ и томъ же авторитетѣ.

Я отнюдь не хочу, поэтому, сказать, что примиреніе всѣхъ религіозныхъ различій, раздѣлявшихъ доселѣ человѣчество, уже совершено. Христіанскій міръ трудился надъ этимъ—частью, бессознательно, частью сознательно—девятнадцать вѣковъ; но трудъ этотъ, хотя и принесъ плодъ, однако далеко еще не конченъ. Вся исторія религій, если ее разсматривать съ внѣшней стороны, представляетъ послѣдовательный рядъ всякаго рода одностороннихъ формъ религій, въ которыхъ различнымъ образомъ смѣшаны религіозные элементы, и которыя соперничаютъ другъ съ другомъ, возникаютъ, расцвѣтаютъ и погибаютъ, или по крайней мѣрѣ перестаютъ расти. Исторія христіанства является продолженіемъ этой раннѣйшей исторіи, но только въ болѣе совершенной, многосторонней и всеобъемлющей формѣ. Я хочу этимъ сказать только то, что если мы ладимъ себѣ трудъ проикнуть въ самое зерно Евангелія, въ которомъ берутъ свое начало всѣ разновидности христіанской

жизни, то мы найдемъ тамъ разрѣшеніе этихъ противорѣчій въ его зародышѣ и принципѣ. Говорю это не изъ пристрастія къ религіи, къ которой принадлежу самъ. Если бы я хотѣлъ выразить настоящее свое религіозное убѣжденіе, я сказалъ бы, что во Христѣ открыта истинная религія, религія человечества, религія, которая постоянно создаетъ новыя, все болѣе и болѣе высшія формы, хотя и всегда недостаточныя, поскольку онѣ человѣческія, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе развивается въ человечествѣ и чрезъ человечество. Но это уже дѣло вѣры, а я стою здѣсь на чисто ученой и безпредвзвѣтой точкѣ зрѣнія. Но даже и съ этой точки зрѣнія, и какъ результатъ историческаго и философскаго изслѣдованія, я утверждаю, что явленіе христіанства открыло совершенно новую эпоху въ развитіи религіи, что въ немъ объединяются всѣ, ранѣе раздѣленные, теченія религіозной жизни человечества, и что религіозное развитіе отселѣ будетъ состоять лишь въ болѣе и болѣе высокой реализаціи принциповъ этой религіи.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки